

«ЗаңСар» сараптамалық-құқықтық
зерттеулер институты» жеке
меншік мекемесі

Қазақстан Республикасы
050000, Алматы қ.
Абылай Хан даңғылы, 135

zansar@zansar.kz

Институт экспертно-правовых
исследований «ZanSar»
частное учреждение

Республика Казахстан
г. Алматы, 050000
Проспект Абылай Хана, 135

www.zansar.kz

ZanSar Institute for Expert
Legal Research
Private Institution

135 Abylai Khan Ave.
Almaty, 050000
Republic of Kazakhstan

ИНСТИТУТ ЭКСПЕРТНО-ПРАВОВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ «ZANSAR»

Предложения к разработке новой Концепции правовой политики

Республики Казахстан:

обновление правопонимания и доктринальная инфраструктура правовой системы¹

I. Основание и исходный тезис

Принятие новой Конституции Республики Казахстан, вступившей в силу 1 июля 2026 года², требует разработки новой Концепции правовой политики и системного обновления законодательства. Конституционная реформа и ранее начатая судебная реформа изменили архитектуру правосудия: укреплен статус Конституционного Суда и существенно расширен прямой доступ граждан в Конституционный Суд; созданы кассационные суды, вследствие чего Верховный Суд утратил функции ординарной кассационной инстанции; Суд МФЦА показал свою состоятельность как часть правовой системы Казахстана как «смешанной юрисдикции». Эти изменения создают уникальную возможность заложить в Концепцию новую модель обеспечения единообразия и качества правоприменения.

Исторический опыт свидетельствует: верховенство права в любой правовой традиции обеспечивается взаимодействием двух начал. Судебная

¹ Настоящий документ подготовлен экспертами Института ZanSar – Кенжебаевой А.Т. и Карагусовым Ф.С. Одобрено Экспертным советом Института ZanSar в составе экспертов: Нестерова Е.В., Мукашева К.В., Калдыбаев А.К., Надирова А.К., Артюшенко А.А., Ахметов Р.С., Бычкова Е.С., Алимбетов Н.О., Ажигулова Х.К. (Протокол от 21 июля 2026 года).

² Конституция Республики Казахстан, принята республиканским референдумом 15 марта 2026 года. Официальный текст: <https://adilet.zan.kz>.

практика формирует право в процессе разрешения конкретных споров - это верно и для стран прецедентного права, и для континентальных систем. Правовая доктрина, в свою очередь, является важнейшим источником правовых идей в любой системе права: она придает закону смысл, единство и предсказуемость применения. Различие между традициями состоит не в наличии или отсутствии этих начал, а в их соотношении и в исторической скорости их вызревания.

Казахстан после обретения независимости строил правовую систему в исторически сжатые сроки, опираясь на профессиональный опыт и правовую культуру, сложившиеся в советский период, и одновременно осваивая институты рыночной экономики и демократического управления, для которых этот опыт не давал готовых ответов. Многие институты и концепции, воспринятые при содействии международных консультантов и включенные в том числе в Конституцию и кодексы, до настоящего времени не получили полного научно-практического, концептуального освоения правоприменителями и действуют отчасти как форма без усвоенного содержания. Образовавшийся концептуальный вакуум во многих аспектах заполнялся конструкциями советского правового наследия, которые не всегда отвечали потребностям новой правовой системы и порой препятствовали укоренению новых идей.

Принятие новой Конституции создает момент, когда этот разрыв может и должен быть восполнен - причем по обоим направлениям одновременно. Казахстану доступен и путь формирования анализируемой и обобщаемой судебной практики, и путь ускоренного развития национальной правовой доктрины; более того, ни один из них не работает без другого. Практика без доктрины не складывается в систему; доктрина без практики остается кабинетным упражнением. Настоящие предложения исходят из необходимости соединить оба ресурса.

Отдельного осмысления заслуживают последствия чрезмерного акцента на судебной иерархии и праве на пересмотр решения вышестоящей инстанцией. В общественном сознании укоренилось убеждение, что справедливости - если ее вообще можно добиться - следует искать лишь на вершине судебной пирамиды: стороны изначально не ожидали разрешения спора в первой инстанции и стремились «дойти до Верховного Суда», а судьи первой и апелляционной инстанций нередко видели главный ориентир своей работы не в убедительности и обоснованности решения, а в избежании его отмены. Правосудие, устроенное таким образом, обесценивает первую инстанцию - то единственное место, где стороны непосредственно встречаются с судом и где спор должен получать действительное разрешение. При этом необходимо честно признать: практика пересмотра судебных актов не всегда обусловлена качеством самих решений; на нее влияют и внепроцессуальные факторы, и сама система оценки работы судей через показатели отмен. Поэтому решение проблемы требует движения с двух сторон: повышения качества и научной обоснованности решений первой инстанции - и одновременного освобождения судьи от зависимости, при которой судьба его карьеры определяется статистикой отмен, а не убедительностью его правовых позиций (разделы III и VI).

Отсюда исходный тезис предложений: в правовом государстве единообразие и качество правоприменения обеспечиваются, помимо (в дополнение к) основанности решения на нормах действующего права, также убеждающим авторитетом научно обоснованных правовых позиций судов, опирающихся на развитую правовую доктрину и открыто анализируемую судебную практику, а не административным воздействием вышестоящих инстанций на нижестоящие; доступ к правосудию включает право каждого на понятное, предсказуемое и научно обоснованное правоприменение.

Два обстоятельства придают этому тезису практическую опору, и именно они составляют ядро настоящих предложений. Во-первых, на территории Казахстана уже действует институт, доказавший достижимость правосудия высшего стандарта с учетом казахстанской специфики, - Суд МФЦА и Международный арбитражный центр МФЦА (пункт 2.1). Во-вторых, казахстанская правовая система - и на уровне конституционного текста, и на уровне доктринальной дискуссии - созрела для открытого признания того, что право шире закона, и что суды (как и ученые правоведы) участвуют в формировании права (пункт 2.2).

II. Два основных (концептуальных) предложения

2.1. Признание Суда МФЦА и МАЦ состоявшимся пилотным проектом и частью правовой системы Казахстана. Перенос апробированных стандартов в национальное правосудие

Создание Международного финансового центра «Астана», его Суда и Международного арбитражного центра потребовало изменения Конституции³ и вложения значительных государственных ресурсов. Сегодня этот институциональный эксперимент продемонстрировал убедительные результаты: по данным, опубликованным Судом МФЦА и МАЦ, с 1 января 2018 года завершено рассмотрение и обеспечено исполнение более 4600 дел с участием сторон из 36 стран, при полном исполнении решений в Казахстане⁴. Тем самым на казахстанской почве, в том числе по казахстанским делам и с применением права Республики Казахстан, доказано: правосудие, отвечающее самым высоким стандартам качества, состязательности и доверия, достижимо в нашей стране.

³ Конституция Республики Казахстан 1995 года, статья 2, пункт 3-1 (введен Законом РК от 10 марта 2017 года № 51-VI), допускавший особый правовой режим в финансовой сфере в пределах города Астаны. Конституция 2026 года (статья 5, пункт 6) распространяет эту возможность на любой регион Республики (adilet.zan.kz).

⁴ Данные Суда МФЦА и МАЦ по состоянию на декабрь 2025 года: более 4600 завершенных дел, включая 222 судебных решения, 1032 арбитражных решения и 3422 медиативных соглашения; стороны из 36 стран (<https://court.aifc.kz>; <https://iac.aifc.kz>).

Из этого следуют **три составляющих первого концептуального предложения о признании Суда МФЦА и результатов его деятельности органической частью национальной правовой системы Казахстана.**

Во-первых, официально признать успешность этого пилотного проекта и, в связи с этим, общественную полезность этого института. Хотя пилотный характер эксперимента до настоящего времени не был артикулирован в официальном дискурсе (что породило в части профессионального сообщества восприятие Суда МФЦА как «правосудия для избранных»), открытое признание того, что Суд МФЦА создавался и результативно функционирует как экспериментальная площадка, лучшие результаты которой предназначены не только для инвесторов, но и для всей страны, снимает этот упрек и придает легитимность как самому институту, так и последующей реформе.

Официальное признание опирается и на замысел самого законодателя. Цель Суда МФЦА определена Конституционным законом в универсальных категориях правосудия - «защита прав, свобод и законных интересов сторон, обеспечение исполнения действующего права Центра»⁵, а не в категориях обслуживания инвесторов: содействие в привлечении инвестиций названо задачей Центра, но не целью его Суда⁶. Решения Суда МФЦА исполняются в Республике Казахстан в том же порядке и на тех же условиях, что и судебные акты казахстанских судов⁷. Таким образом, предлагаемое признание Суда МФЦА частью правовой системы Казахстана не переосмысливает волю законодателя, а возвращается к ней.

При этом необходимо прямо назвать то, что в самом акте создания специального суда содержится имплицитно. Учреждая для определенной

⁵ Конституционный закон Республики Казахстан от 7 декабря 2015 года № 438-V «О Международном финансовом центре "Астана"», статья 13, пункт 1. <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1500000438>.

⁶ Там же, статья 2, пункты 1 и 2: целью Центра является формирование ведущего международного центра финансовых услуг; содействие в привлечении инвестиций в экономику Республики Казахстан входит в число задач Центра.

⁷ Там же, статья 13, пункт 8.

категории споров суд с судьями мирового уровня и особым акцентом на их «независимости и неподкупности», государство тем самым признало существование разрыва между качеством правосудия, которое оно считает достижимым, и качеством, доступным в национальной судебной системе. Это признание - не повод для упрека, а свидетельство зрелости: первый шаг к решению любой проблемы состоит в ее осознании, и государство, создавшее МФЦА, продемонстрировало готовность видеть проблему и искать решение, что заслуживает уважения. Однако признание обязывает. Разрыв в качестве правосудия, однажды признанный, не может быть увековечен: честным ответом на него является обязательство его устранить. Именно в этом и состоит существо идеи пилотного проекта: она превращает состоявшееся признание проблемы в программу ее решения - планомерный перенос стандартов, апробированных Судом МФЦА, в национальное правосудие, чтобы правосудие того качества, достижимость которого государство само доказало, стало доступным каждому.

Во-вторых, признать на уровне правовой политики то, что уже, пока очень осторожно, высказывается в отечественной правовой доктрине: Казахстан фактически становится смешанной юрисдикцией (во всяком случае, приобретает черты современной смешанной юрисдикции), в которой на территории одного государства действуют правовые конструкции континентального и общего права. Такое мнение высказано в казахстанской цивилистике⁸ и соответствует признанной типологии смешанных правовых систем⁹. Суд МФЦА, не входя в судебную систему Республики Казахстан¹⁰, все же является при этом частью ее правовой системы: он создан суверенным решением казахстанского государства,

⁸ Сулейменов М.К. Нормы гражданского права: Монография. - Алматы, 2025. - С. 493 («Казахстан приобрел черты локальной гибридной смешанной юрисдикции»).

⁹ Palmer V.V. (ed.) Mixed Jurisdictions Worldwide: The Third Legal Family. 2nd ed. - Cambridge: Cambridge University Press, 2012. DOI: 10.1017/CBO9781139028424.

¹⁰ Конституционный закон об МФЦА, статья 13, пункт 2: «Суд Центра независим в своей деятельности и не входит в судебную систему Республики Казахстан».

действует на его территории, его решения исполняются казахстанскими органами принудительного исполнения. Признание этого факта - не уступка, а осознанное позиционирование Казахстана как правовой системы, способной интегрировать лучшее из обеих великих традиций.

В-третьих, разработать план переноса апробированных Судом МФЦА подходов в национальное правосудие - прежде всего процессуальных: качество и авторитет первой инстанции; подлинная состязательность, подкрепленная раскрытием доказательств и санкциями за его нарушение; активное управление движением дела (case management); стандарты структурирования и мотивирования решений; пропорциональность процедуры цене и сложности спора¹¹. Переносу подлежат не английские формы как таковые, а принципы, которым эти формы служат, адаптированные к романо-германской традиции казахстанского процесса¹². По мере накопления практики целесообразно изучить и возможность заимствования отдельных доказавших свою работоспособность институтов действующего права МФЦА в материально-правовой сфере. Цель состоит в преодолении разрыва в качестве отправления правосудия между Судом МФЦА и национальными судами.

Предлагаемая формулировка для включения в Концепцию:

«Суд МФЦА и Международный арбитражный центр являются составной частью правовой системы Республики Казахстан и успешным пилотным проектом, подтвердившим достижимость на территории Казахстана правосудия, соответствующего лучшим мировым стандартам. Государство обеспечивает планомерный перенос апробированных ими процессуальных подходов в национальное судопроизводство с их адаптацией к казахстанской правовой традиции.»

¹¹ Подробный анализ переносимых механизмов: Кенжебаева А.Т. Теория доступа к правосудию.- Алматы, 2026. - С. 219-224 (глава IX, § 9.3).

¹² Об уроках теории правовых трансплантатов см.: Berkowitz D., Pistor K., Richard J.-F. The Transplant Effect // American Journal of Comparative Law. 2003. Vol. 51. No. 1. P. 163-203. DOI: 10.2307/3649143.

2.2. Обновление правопонимания: право шире закона. Признание правоформирующей роли Конституционного Суда и Верховного Суда

Обновление законодательства во исполнение новой Конституции не даст ожидаемого эффекта, если останется нетронутым лежащее в основании правоприменения понимание самого права. Узконормативистское отождествление права с текстом закона, унаследованное от советской традиции, сегодня расходится и с реальной практикой судов, и с состоянием отечественной доктрины, в которой развернулась содержательная дискуссия о понятии права и критериях правового характера судебного решения,¹³ как и с потребностями и перспективами развития нашего государства и нашего народа.

Предлагается закрепить в Концепции современное правопонимание, исходящее из того, что право шире закона. Право есть нормативное выражение принципа формального равенства - применения единой меры к формально равным субъектам; закон является правовым, если его содержание этому принципу соответствует¹⁴.

Из обновленного правопонимания, естественно, следует **второе предложение**: официально признать правоформирующую роль Конституционного Суда и Верховного Суда. Речь не идет о наделении судов законодательной функцией - законотворчество остается прерогативой законодателя. Речь идет о признании того, что суды формируют право в процессе его применения к конкретным делам: выявляя конституционно-правовой смысл норм, восполняя пробелы через аналогию, наполняя содержанием оценочные понятия, обобщая практику - и делая все это с

¹³ Диденко А.Г. Научно-популярный очерк о понятии права и норм права в современном Казахстане. 26.11.2025. https://prg.kz/Document/?doc_id=34375789 (о выходе аналогии, судебной практики и оценочных понятий «за пределы нормативной структуры права» при их фактической включенности в действующее право); противоположная позиция: Сулейменов М.К. Нормы гражданского права. - Алматы, 2025 (тезис о тождестве права и закона по объему).

¹⁴ Нерсесянц В.С. Философия права: Учебник для вузов. - М.: Норма, 2005. - С. 17. О формуле неправового закона см. также: Radbruch G. Gesetzliches Unrecht und übergesetzliches Recht // Süddeutsche Juristen-Zeitung. 1946. Bd. 1. Nr. 5. S. 105-108.

опорой на правовую доктрину. Конституционный Суд, раскрывая конституционно-правовой смысл нормы, обязательный для всех правоприменителей, обеспечивает различение правового и неправового закона - функцию, ради которой конституционное правосудие и существует. Верховный Суд, утратив функции ординарной кассации, обретает миссию формирования права через научно обоснованные правовые позиции, нормативные постановления и стандарты мотивирования.

Именно это признание, а не административная иерархия, дает судье первой инстанции прочную опору для независимой позиции, а обществу - предсказуемое правоприменение. Опыт Суда МФЦА (пункт 2.1) и здесь служит подтверждением: право, формируемое судом в процессе рассмотрения дел, доказало свою работоспособность на территории Казахстана.

Предлагаемая формулировка для включения в Концепцию:

«Правовая политика Республики Казахстан исходит из современного правопонимания: право не сводится к тексту закона, а представляет собой систему норм и правовых позиций, соответствующих конституционному принципу равенства всех перед законом и судом. Признается правоформирующая роль Конституционного Суда и Верховного Суда: выявляемый ими в процессе рассмотрения дел смысл правовых норм, основанный на Конституции и достижениях правовой науки, является составной частью действующего права Республики Казахстан.»

III. Верховный Суд и Конституционный Суд: институциональное воплощение правоформирующей роли

Признание правоформирующей роли высших судов (пункт 2.2) требует различения двух ее измерений, не совпадающих ни по предмету, ни по инструментарию.

3.1. Конституционное правосудие. Конституционный Суд формирует право, выявляя конституционно-правовой смысл норм, обязательный для всех правоприменителей. Предлагается: (а) закрепить конституционно-конформное толкование как приоритетный инструмент: норма признается соответствующей Конституции в выявленном Конституционным Судом смысле, исключаящем иные варианты ее истолкования, в пределах, допускаемых текстом нормы и целью законодателя; судебные акты, основанные на отвергнутом Конституционным Судом истолковании, подлежат пересмотру в установленном законом порядке; (б) гарантировать организационную и бюджетную самостоятельность Конституционного Суда как конституционного органа: бюджет формируется по его представлению и включается в проект республиканского бюджета без изменений, с представлением Парламенту позиции Правительства при наличии разногласий; Конституционный Суд самостоятельно определяет структуру, штатную численность и условия оплаты труда своего Аппарата в пределах утвержденных бюджетных средств; (в) повысить действенность ежегодного послания о состоянии конституционной законности: включение в него свода правовых позиций года и сведений об исполнении решений Суда, с обязательным рассмотрением Парламентом и Правительством и принятием мер по устранению выявленных дефектов законодательства. Аналогичные инструменты закреплены и активно применяются в конституционной юстиции государств континентального права.

Предлагаемая формулировка:

«Правовые позиции Конституционного Суда являются доктринальной основой толкования и применения законодательства всеми государственными органами и судами. Конституционно-конформное толкование признается приоритетным способом обеспечения конституционности правоприменения: норма, конституционно-правовой

смысл которой выявлен Конституционным Судом, применяется исключительно в этом смысле; такое толкование осуществляется в пределах, допускаемых текстом нормы и целью законодателя. Судебные акты, основанные на истолковании нормы, отвергнутом Конституционным Судом, подлежат пересмотру в установленном законом порядке. Гарантируется организационная и бюджетная самостоятельность Конституционного Суда как конституционного органа.»

3.2. Верховный Суд: формирование права в ординарном правосудии. С созданием кассационных судов миссия Верховного Суда закономерно смещается от пересмотра судебных актов к формированию права в процессе анализа и направления практики. Право на пересмотр при этом полностью сохраняется в установленных законом пределах: смещение миссии не отнимает у сторон ни одной существующей гарантии. Предлагается закрепить: (а) нормативные постановления и анализ практики нового поколения - с развернутой аргументацией, анализом состояния правовой доктрины, практики всех судов, включая кассационные суды и, в качестве сравнительного материала, Суд МФЦА (пункт 2.1), а также, где уместно, сравнительно-правовых материалов; (б) стандарт развернутой мотивировки актов Верховного Суда и кассационных судов, предполагающий открытое обсуждение конкурирующих доктринальных позиций с указанием научных источников - во избежание избирательного обращения к доктрине, при котором в основу решения кладется удобная позиция одного ученого, а иные научные взгляды замалчиваются - такая практика не только не дает искомого результата, но и дискредитирует саму идею научной обоснованности, превращая ссылку на науку в орнамент заранее принятого решения. Поэтому стандарт мотивировки должен включать обязанность суда при наличии в доктрине конкурирующих позиций изложить их существо и мотивировать, почему одна из них

положена в основу решения, а другие отклонены; (в) обновленный формат Научно-консультативного совета - с публичными заключениями по вопросам, вынесенным на формирование практики, и существенным, а не формальным участием ведущих ученых в подготовке нормативных постановлений; (г) ежегодный аналитический доклад Верховного Суда о состоянии судебной практики и выявленных расхождениях, основанный не на статистике и обтекаемых формулировках, а на выводах строгого научного анализа и интерпретации применяемых норм.

Следует прямо ответить на очевидное возражение: научно-консультативные советы существуют и сегодня, конференции и круглые столы с участием судей и ученых проводятся регулярно. Проблема не в отсутствии этих форм, а в их формальности: обсуждения проводятся, но их результаты никого ни к чему не обязывают, не публикуются в виде мотивированных заключений, не находят отражения в нормативных постановлениях и мотивировках судебных актов и не влекут никаких последствий при их игнорировании. Наука приглашается к разговору, но не к результату; участие ученых удостоверяет процедуру, а не формирует содержание. Поэтому существо предложения - не создание новых площадок, а придание существующим формам обязывающей силы: публичность заключений Научно-консультативного совета по каждому вынесенному на него вопросу; обязанность отражать в нормативном постановлении, какие рекомендации приняты, а какие отклонены и почему; включение итогов научно-практических конференций в аналитическую работу судов. Критерий прост: научное обсуждение состоялось не тогда, когда оно проведено, а тогда, когда виден его след в актах суда.

Эти же механизмы гласности - публичность заключений, обязательность изложения в мотивировке конкурирующих позиций, включая отвергнутые, открытость актов для научного рецензирования (раздел IV) - служат и защитой от вырождения научной обоснованности в

подбор удобных цитат: наука дисциплинирует суд не своим авторитетом, а публичностью спора.

Предлагаемая формулировка:

«Верховный Суд обеспечивает единообразие судебной практики преимущественно методами убеждающего авторитета: посредством принятия научно обоснованных нормативных постановлений и обзоров судебной практики, отражающих состояние правовой доктрины и результаты анализа практики судов. Вводится стандарт развернутой мотивировки актов Верховного Суда и кассационных судов, предусматривающий анализ сложившейся судебной практики и положений правовой науки, включая указание используемых научных источников. Во избежание избирательного использования научных источников при наличии в правовой доктрине конкурирующих позиций суд излагает их существо и мотивирует выбор позиции, положенной в основу решения.»

3.3. Первая инстанция как основное пространство правосудия.

Правоформирующая роль высших судов не самоцель: ее назначение в том, чтобы дать судье первой инстанции опору для независимой, научно обоснованной позиции. Справедливо, что практика пересмотра не всегда обусловлена качеством решений; тем важнее, чтобы критерии оценки работы судьи были освобождены от показателей отмен (раздел VI), а ясные правовые позиции высших судов сужали пространство как для судебных ошибок, так и для произвольных отмен. Центральная роль суда первой инстанции как места, где стороны непосредственно встречаются с судом и где спор должен получать действительное разрешение, обоснована в доктрине и подтверждается опытом Суда МФЦА, концентрирующего сильнейших судей именно на первой инстанции.

IV. Доктринальная инфраструктура правовой системы

Правоформирующая деятельность судов (пункт 2.2) нуждается в материальной среде: доктрина должна быть написана, опубликована, доступна и подвергнута критике.

4.1. Государственная программа постатейного комментирования.

Обновление законодательства во исполнение новой Конституции создает единовременный спрос на доктринальное сопровождение всей правовой системы. Предлагается программа подготовки постатейных научно-практических комментариев к Конституции и системообразующим кодексам с обязательным циклом переиздания (каждые 2-3 года) по мере накопления практики Конституционного Суда, Верховного Суда, кассационных и иных судов. Принципы: редакционная независимость авторских коллективов; смешанное финансирование - государственный заказ на комплектование судов, прокуратуры и юридических вузов в сочетании со свободной продажей.

4.2. Институт научного рецензирования судебных актов.

Поддержка регулярного жанра научных примечаний к решениям высших судов означает конкретно: (а) открытую полнотекстовую базу судебной практики как техническое условие рецензирования (пункт 4.3); (б) учет опубликованных рецензий в аналитической работе Научно-консультативного совета и при подготовке нормативных постановлений; (в) включение жанра научного комментария к судебному акту в число признаваемых научных результатов при аттестации ученых; (г) грантовую поддержку систематических обзоров практики.

Ничто не мешает комментировать судебные акты и сегодня; задача государства не в разрешении, а в том, чтобы такое комментирование имело предмет (доступные тексты актов с возможностями быстрого поиска), адресата (обязанность суда работать с критикой) и признание. Признание означает, во-первых, учет научных комментариев к судебным актам в качестве полноценного научного результата при присуждении ученых

степеней и званий и при конкурсном замещении должностей; во-вторых, право сторон ссылаться на опубликованные научные комментарии в процессуальных документах с обязанностью суда мотивированно на них отвечать. Обязанность работать с критикой означает, что Верховный Суд и Конституционный Суд периодически публикуют обзор научных откликов на свои акты с мотивированной реакцией, а устойчивое расхождение между судебной позицией и доктринальной критикой служит основанием для вынесения вопроса на Научно-консультативный совет и для подготовки или изменения нормативного постановления. Научная критика не является основанием пересмотра вступивших в силу судебных актов - правовая определенность этого не допускает; ее назначение иное: побуждать высшие суды к изменению ошибочных правовых позиций на будущее, а там, где Конституционный Суд выявляет новый конституционно-правовой смысл нормы, пересмотр дел происходит в установленном законом порядке как следствие акта Суда (пункт 3.1).

4.3. Открытая база судебной практики. Полнотекстовая публикация актов всех судов, прежде всего кассационных, Верховного и Конституционного, в разумные сроки, по единым рубрикам, в машиночитаемом виде - как публичное благо и необходимое условие существования комментариев и научной критики. Сюда же относится обеспечение доступности решений Суда МФЦА на казахском и русском языках как учебного и сравнительного материала для национального юридического сообщества (пункт 2.1).

Предлагаемая формулировка:

«Государство обеспечивает создание доктринальной инфраструктуры правовой системы: программу постатейного научно-практического комментирования Конституции и системообразующих законодательных актов с регулярным обновлением; открытую полнотекстовую базу судебной практики; условия для научного

рецензирования судебных актов, включая его признание при научной аттестации. Редакционная и научная независимость авторских коллективов гарантируется.»

V. Правовая наука: от формальных институтов к работающим

Многие институты поддержки правовой науки в Казахстане существуют формально: грантовое финансирование, конкурсное замещение должностей, требования к публикациям, научно-консультативные советы при высших судах, научно-практические конференции. Проблема не в их отсутствии, а в том, что они не выполняют своей функции: обсуждение проводится, но ни на что не влияет (раздел 3.2). Поэтому предложения этого раздела направлены не на создание новых форм, а на обеспечение действительности существующих: (а) реальная, а не декларативная независимость экспертной оценки (peer review) при распределении грантов на правовые исследования, с публикацией составов экспертных панелей и обоснований решений; (б) долгосрочные контракты профессуры по итогам действительно открытых конкурсов с публичными критериями; (в) отказ от обязательного требования публикаций в журналах, индексируемых в международных наукометрических базах (Scopus, Web of Science), как условия аттестации и карьерного продвижения ученых-юристов. Правовая наука в значительной своей части национально ориентирована: ее предметом являются казахстанское законодательство, судебная практика и доктрина, ее рабочими языками - казахский и русский, ее адресатом - отечественный законодатель, судья и практикующий юрист. Для международных баз такие исследования заведомо периферийны, поэтому обязательность «скопсовских» публикаций не повышает качество национального правоведения, а порождает имитацию: публикации за плату в изданиях сомнительного уровня, достигающие формального показателя, но ничего не дающие науке, и отвлечение средств и времени ученых от

содержательной работы. Оценка ученого-юриста должна производиться по содержательному вкладу в национальную правовую доктрину - монографиям, постатейным комментариям, научным рецензиям судебных актов, учебникам (разделы IV и VI), - а публикации в международных изданиях должны поощряться там, где предмет исследования действительно международен (сравнительное правоведение, международное право, арбитраж), оставаясь возможностью, а не всеобщей обязанностью. Определение того, какие журналы и научные школы заслуживают поддержки, должно производиться не ведомственным решением, а через прозрачные процедуры самого научного сообщества.

VI. Юридическое образование и доступ к профессии: дифференциация треков и уроки германской модели

6.1. Два трека подготовки. Требования к юридическому образованию не одинаковы для всей профессии, и Концепция должна это признать. Для большинства юридических профессий определяющее значение имеют навыки понимания и применения закона, составления юридических документов, представительства, ведения переговоров и участия в процессах; фундаментальная теоретическая подготовка нужна здесь в объеме, обеспечивающем грамотное применение права. Но для тех, кто формирует право - судей, законотворцев, ученых, - этого недостаточно. Предлагается внедрить углубленный фундаментальный трек подготовки для лиц, ориентированных на судейскую, законотворческую и научную карьеру: расширенное изучение теории и философии права, правовой догматики, методов толкования, сравнительного правоведения и истории права, с обязательной содержательной связью с практикой, чтобы фундаментальность не вырождалась в схоластику, оторванную от жизни. Дифференциация треков позволяет одновременно удовлетворить массовый

запрос профессии на практические навыки и запрос правовой системы на носителей доктрины.

6.2. Образование как первый этап: германская модель доступа к профессии. Предлагается воспринять принцип, лежащий в основе германской системы подготовки юристов: университетское образование есть лишь первая ступень входа в профессию. В Германии квалификация, дающая доступ к должности судьи, приобретается последовательным прохождением: университетского обучения, завершаемого первым экзаменом; обязательной подготовительной службы (Referendariat) продолжительностью два года с ротацией через обязательные станции - суд по гражданским делам, суд по уголовным делам или прокуратуру, административный орган и адвокатуру; и второго государственного экзамена¹⁵. Лишь после этого юрист получает доступ к судейской должности, причем та же квалификация требуется для прокуроров и адвокатов, что создает единый высокий стандарт всей профессии.

Применительно к Казахстану предлагается поэтапное внедрение аналогичной модели: (а) университетское образование как необходимая, но не достаточная ступень; (б) обязательная практическая подготовка с ротацией через основные области практики - суд, прокуратура, адвокатура, государственный орган; (в) единый государственный квалификационный экзамен высокого уровня сложности с анонимной оценкой письменных работ как ворота в судейскую профессию, а в перспективе - в регулируемые юридические профессии в целом; (г) целевое привлечение в судейский корпус лучших выпускников и состоявшихся юристов, включая адвокатов, юридических консультантов и специалистов в области арбитража; (д)

¹⁵ Deutsches Richtergesetz (DRiG) от 8 сентября 1961 года (в действующей редакции), §§ 5, 5a, 5b: квалификация для занятия судейской должности приобретается юридическим образованием в университете, завершаемым первым экзаменом, и последующей подготовительной службой, завершаемой вторым государственным экзаменом; продолжительность подготовительной службы - два года; обязательные станции: ординарный суд по гражданским делам, прокуратура или суд по уголовным делам, административный орган, адвокат. Официальный текст: <https://www.gesetze-im-internet.de/drig/>.

публичные и проверяемые критерии карьерного продвижения судей, исключающие зависимость от показателей отмены судебных актов.

6.3. Учебная инфраструктура. Программа национальных учебников нового поколения по фундаментальным и отраслевым дисциплинам, подготавливаемых на основе трудов ведущих ученых, с регулярным переизданием и содержательной связью с судебной практикой и комментариями (раздел IV). Участие ведущих ученых в преподавании должно обеспечиваться не административным принуждением, а условиями, при которых преподавание и наука взаимно усиливают, а не вытесняют друг друга: учет преподавания фундаментальных курсов при конкурсном замещении, разумная учебная нагрузка, признание учебников научным результатом. В подготовку юристов всех треков включаются практические навыки и этическое формирование; ресурсом здесь может служить и Учебный центр Суда МФЦА, уже обеспечивший подготовку значительного числа казахстанских юристов, судей и государственных служащих (пункт 2.1).

Предлагаемая формулировка:

«Доступ к профессиям судьи и иным регулируемым юридическим профессиям строится по многоступенчатой модели: университетское образование, обязательная практическая подготовка с ротацией через основные области юридической практики и единый государственный квалификационный экзамен. Для лиц, ориентированных на судебскую, законотворческую и научную деятельность, вводится углубленный фундаментальный трек подготовки. Государство поддерживает программу национальных учебников нового поколения с регулярным обновлением. Стандарты подготовки юриста включают практические навыки и этическое формирование.»

VII. Последовательность реализации

Этап 1 (немедленно, актами правовой политики и решениями самих судов, без существенных бюджетных затрат): официальное признание в Концепции характеристики Казахстана как правовой системы, интегрирующей элементы двух традиций (пункт 2.1); закрепление обновленного правопонимания (пункт 2.2); стандарты развернутой мотивировки Верховного и Конституционного судов; открытая публикация практики и комментариев к ней; придание работе научно-консультативных советов и научно-практических конференций обязывающего характера в соответствии с разделом 3.2 - с публичными заключениями и отражением результатов обсуждений в нормативных постановлениях и мотивировках; поощрение использования доктрины судами при мотивировке решений; более широкое привлечение экспертов по вопросам права в качестве специалистов в суде, поощрение и учет заключений ученых в формате *amicus curiae*.

Этап 2 (1-2 года): законодательное закрепление правоформирующей роли Конституционного и Верховного судов в развитие пункта 2.2; программа переноса апробированных Судом МФЦА процессуальных механизмов в национальное процессуальное законодательство с их адаптацией (пункт 2.1); постатейные комментарии к Конституции 2026 года и базовым кодексам; запуск института научного рецензирования судебных актов; реформа грантового механизма правовых исследований; старт программы национальных учебников.

Этап 3 (горизонт Концепции, до 2035 года): внедрение модели поэтапного доступа к юридической профессии по германскому образцу - углубленный фундаментальный трек, обязательная ротационная практическая подготовка, единый государственный экзамен; обновленные образовательные стандарты; статусные гарантии профессуры; закрепление бюджетной автономии судебной власти и Конституционного Суда.

Такая последовательность сочетает быстрые видимые результаты, формирующие доверие к реформе, с долгосрочными институциональными мерами, составляющими ее содержание.